

«Certes, ils préfèrent que je ne voie pas certaines choses. Mais ce qu'il ne faut surtout pas, c'est que je leur en raconte d'autres».

«— Vous direz tout?

— Et vous?

— J'essaierai. Si je n'y parviens pas, je m'en voudrais toute ma vie».

«Peuples qui on fait», 1934

«Конечно, все предпочитают, чтобы я не видел некоторых вещей. Но последнее, что я должен делать, так это молчать о них».

«— Ты все расскажешь?

— А вы?

— Я попробую. И если не смогу, то буду винить себя до конца жизни».

«Люди, которые голодны», 1934

1

*Как Мегрэ проводит холостяцкий вечер
и как этот вечер заканчивается
в госпитале Кошен*

— Почему бы вам не поужинать у нас чем Бог послал? — предложил инспектор Люка и осторожно добавил: — Смею вас заверить, моя жена будет в восторге.

Бедный старина Люка! Он говорил неправду, потому что его жена, которая впадала в панику по любому поводу, а принимать кого-то к ужину и вовсе считала мукой, впоследствии осыпала бы мужа упреками.

Около семи вечера, когда солнце еще было высоко, они оба покинули здание на набережной Орфевр и направились к пивной «У Дофина», расположенной на ближайшем углу улицы. Первый стакан аперитива они осушили, глядя в пустоту, так смотрят люди, за спинами которых остался тяжелый трудовой день. Затем, не слишком церемонясь, Мегрэ постучал монетой по блюдцу, чтобы позвать официанта и повторить заказ.

Конечно, все эти мелочи не имели никакого значения. Но часто подобным мелочам уделяешь особое внимание лишь потому, что в обычной жизни они почти незаметны. Тем не менее Мегрэ был убежден, что в ту самую секунду Люка подумал:

«Это из-за отсутствия жены патрон решил пропустить второй стаканчик, при ней он бы ограничился одним».

Два дня тому назад мадам Мегрэ вызвали в Эльзас к изголовью кровати сестры, которой предстояла серьезная операция.

Возможно, Люка полагал, что комиссар обескуражен. Или несчастен? Как бы то ни было, инспектор пригласил начальника на ужин; пригласил, проявив слишком уж горячую настойчивость. Вот и сейчас он смотрел на Мегрэ совершенно особым образом, как будто бы жалел его. А может быть, у комиссара просто разыгралось воображение?

По иронии судьбы вот уже целых два дня у Мегрэ не было ни единого срочного дела, которое бы задержало его в кабинете после семи часов. Он мог бы уйти даже в шесть вечера, хотя обычно считалось чудом, если полицейский успевал домой к ужину.

— Нет. Я намереваюсь воспользоваться случаем и сходить в кино, — ответил Мегрэ.

Сам того не желая, он сказал «воспользоваться случаем», хотя это совершенно не отражало его настроения.

Люка и Мегрэ расстались у Шатле, инспектор спустился по лестнице в метро, а комиссар так и остался стоять в нерешительности посреди тротуара. Небо озарилось закатным солнцем. Улицы казались розовыми. Это был один из первых вечеров, когда ощущалось дыхание весны, и парижане высыпали на террасы кафе.

Хотел ли он есть? Так как он был совершенно один, он мог пойти куда угодно, и потому подошел к этому вопросу весьма серьезно, перебирая в уме различные рестораны, способные его соблазнить. Словно собрался развлекаться. Сначала Мегрэ сделал несколько шагов в сторону площади Согласия, и это его смутило — ведь он, совершенно непонятно почему, удалялся от дома. В витрине колбасной лавки комиссар заметил фаршированных улиток, наполненных маслом, смешанным со свежей петрушкой. Раковины казались лакированными.

Его жена не любила улиток. И сам он ел их крайне редко. Этим вечером Мегрэ решил полакомиться улитками, дабы, как говорится, «воспользоваться случаем». Он развернулся и направился к ресторану у Бастилии, который специализировался как раз на этом блюде.

В ресторане его знали.

— Один прибор, месье Мегрэ?

Во взгляде официанта не было ни удивления, ни упрека. Мегрэ пришел один и потому не мог рассчитывать на хороший столик. Комиссара усадили в проходе, напротив колонны.

По правде говоря, он и не желал для себя ничего необычного. В действительности Мегрэ даже не знал, хочет ли он отправиться в кино. Он толком не представлял, куда ему «доставить» свое грузное тело. И комиссар ощущал смутное разочарование.

— Что вы выберете из вин?

Он не осмелился заказать слишком изысканный сорт, и всё по той же причине: он не желал «воспользоваться случаем».

И вот уже через три четверти часа, когда зажглись уличные фонари и вечер окрасился в синий цвет, Мегрэ снова стоял посреди площади Бастилии.

Было еще слишком рано, чтобы отправиться спать. Вечерние газеты комиссар просмотрел еще в кабинете. Он также не хотел начинать читать новую книгу, которая заставит его бодрствовать добрую часть ночи.

Он направился к Большим Бульварам, решив все-таки посетить кинотеатр. Два раза Мегрэ останавливался, чтобы посмотреть на афиши,

но ни одна из них его не соблазнила. Какая-то женщина пристально посмотрела на полицейского, как будто бы она догадалась, что он временно холост, и комиссар почувствовал, что краснеет.

Ждала ли она, что Мегрэ «воспользуется случаем»? Женщина обогнала комиссара, обернулась и, увидев, как он смутился, утвердилась в мысли, что ей попался робкий клиент. Она загородила мужчине дорогу и прошептала несколько слов; чтобы избавиться от нее, Мегрэ пришлось перейти на другую сторону улицы.

Что касается кинотеатра, то комиссару казалось почти преступным идти туда в одиночестве. Право, глупо и смешно. Мегрэ зашел в бар и выпил кальвадос. И тут снова какая-то женщина наградила одинокого мужчину призывной улыбкой.

Мегрэ посещал эти бары тысячи и тысячи раз, но никогда не испытывал подобного чувства.

В конечном итоге, чтобы обрести душевный покой, он выбрал маленький кинотеатр в полуподвале, где показывали только новостные программы.

В половине одиннадцатого Мегрэ вновь очутился на улице. Он зашел еще в один бар, выпил

еще кальвадос, словно вырабатывал в себе новую привычку, а затем, набив трубку, медленно направился к бульвару Ришар-Ленуар.

В общем, весь вечер комиссар не мог избавиться от ощущения, что находится не в своей тарелке, и, хотя он не делал ничего предосудительного, он испытывал смутные угрызения совести.

Поднимаясь по лестнице, Мегрэ достал из кармана ключ; ни полоски света под дверью, ни ароматов еды, доносящихся с кухни... Он был вынужден сам щелкнуть выключателями. Пройдя мимо буфета, полицейский все же решил «воспользоваться случаем» и налить себе рюмочку сливовицы, ведь сегодня он мог себе это позволить, не лоя на себе взгляды жены.

Направившись к окну и не закрыв шторы, комиссар начал раздеваться. Он как раз стягивал подтяжки, когда раздался телефонный звонок.

В тот момент Мегрэ уже не сомневался, что причиной его вечернего дискомфорта стало некое неприятное событие.

— Алло!..

— Это вы, патрон?

Из уголовной полиции. Мегрэ узнал раскатистый голос Торренса, который звучал в телефонной трубке, словно басовая труба.

— Хорошо, что вы вернулись. Я звоню вам уже четвертый раз. Я набрал Люка, и он мне сказал, что вы в кино. Но я не знал, в каком...

Казалось, потрясенный Торренс не знает, с чего начать...

— Это касается Жанвье...

И какова же была реакция? Мегрэ, ни на секунду не задумываясь, угрюмым тоном поинтересовался:

— И чего хочет Жанвье?

— Его только что доставили в госпиталь Кошен. Он схлопотал пулю в грудь.

— О чем ты?

— Должно быть, в данную минуту он на операционном столе.

— Ты сейчас где?

— На набережной. Ведь должен был кто-нибудь остаться и здесь. Все необходимое на улице Ломон я закончил. Люка прыгнул в такси и помчался в Кошен. Я также предупредил мадам Жанвье, она уже должна была прибыть в госпиталь.

— Я выхожу.

Мегрэ вновь натягивал подтяжки и уже собирался положить трубку, когда решил на всякий случай спросить:

— Это Паулюс?

— Неизвестно... Жанвье был на улице совсем один. Он заступил на дежурство в семь часов

вечера. Малыш Лапуэнт должен был сменить его в семь часов утра.

— Ты послал людей осмотреть дом?

— Они всё еще там. Мы поддерживаем с ними связь по телефону. Пока они ничего не нашли.

Мегрэ пришлось дойти до бульвара Вольтера, и только там он смог поймать такси. Улица Сен-Жак оказалась почти пустынной, свет горел лишь в некоторых витринах быстро. Комиссар устремился под своды госпиталя Кошен и тут же окунулся в унылую атмосферу, которой могли «похвастаться» все больницы, где Мегрэ доводилось бывать.

Зачем окружать больных, раненых — людей, которые пытаются выжить, и людей, приблизившихся к последней черте, — столь мрачной, давящей атмосферой? К чему этот скудный и одновременно режущий глаза свет, который можно встретить только в госпиталях и в административных зданиях? И почему уже у дверей посетителей встречают типы с такими неприятными минами?

Плюс ко всему Мегрэ пришлось предъявить служебное удостоверение. Интерн, дежуривший у входа, выглядел совсем мальчишкой, он сдвинул свою белую шапочку набок, словно бросая вызов окружающим.

— Строение «С». Вас проведут...

Мегрэ сгорал от нетерпения. Обозленный на весь мир, в данный момент комиссар особенно злился на медицинскую сестру, которая указывала ему дорогу, его раздражали ее яркая губная помада и завитые волосы.

Плохо освещенные дворы, лестницы, длинный коридор, а в конце этого коридора три смутных силуэта. Путь до этих троих показался Мегрэ бесконечным, а линолеум, выстилавший коридор, особенно гладким и скользким.

Приземистый Люка сделал несколько шагов навстречу патрону, он приближался, словно побитый пес.

— Мы думаем, что он выкарабкается, — тут же шепотом сообщил инспектор. — Вот уже три четверти часа, как он находится в операционной.

Мадам Жанвье с красными глазами, в криво сидящей шляпке, умоляюще посмотрела на комиссара, как будто бы он мог хоть чем-то помочь. Внезапно она разрыдалась, уткнувшись в платок.

Мужчину с длинными усами, скромно стоящего в сторонке, Мегрэ не знал.

— Это сосед, — объяснил Люка. — Мадам Жанвье не могла оставить детей одних; она позвала соседке, и муж последней предложил проводить жену инспектора.

Мужчина, прислушивающийся к разговору, вежливо поздоровался и наградил Люка благодарной улыбкой.

— Что говорит хирург?

Они стояли прямо у дверей операционной и потому переговаривались почти шепотом. В другом конце коридора, словно суетливые муравьи, всегда что-то зажав в руках, беспрестанно сновали медицинские сёстры.

— Пуля не затронула сердце, но застряла в правом легком.

— Жанвье что-нибудь сказал?

— Нет. Когда патрульная полицейская машина прибыла на улицу Ломон, он был без сознания.

— Как вы думаете, месье комиссар, его спасут? — мадам Жанвье была беременна, ее щеки украшала россыпь веснушек.

— Нет никаких оснований для того, чтобы он не выкарабкался.

— Вот теперь вы понимаете, почему я никогда не могу уснуть, когда он уходит на дежурство!

Супруги жили за городом, в городке Жювизи, в доме, который Жанвье построил тремя годами ранее, и все из-за детей, которых было трудно воспитывать в парижской квартире. Полицейский безумно гордился своим фруктовым садом.

Они обменялись еще несколькими ничего не значащими фразами, а затем тоскливо уста-

вились на дверь, которая все не открывалась и не открывалась. Мегрэ достал из кармана трубку, но тут же засунул ее обратно, вспомнив, что в здании запрещено курить. А ему так не хватало доброй затяжки. Он чуть было не решил спуститься во двор, чтобы разжечь трубку.

В присутствии мадам Жанвье Мегрэ не хотел расспрашивать Люка о том, как все произошло. Он также не мог оставить мадам Жанвье в одиночестве. Если не считать Люка, — правую руку комиссара, — Жанвье всегда был его любимым инспектором. Мегрэ взял Жанвье к себе в отдел еще мальчишкой, как сейчас взял Лапуэнта, и ему до сих пор случалось называть своего сотрудника «Малышом Жанвье».

Наконец дверь открылась. Но в коридоре появилась лишь рыжая медсестра, которая, не глядя на ждущих людей, устремилась к другой двери. В руке женщина держала некий предмет, который никто не успел рассмотреть. Сестра шла так быстро, что ни Мегрэ, ни Люка, ни мадам Жанвье, ни сосед четы Жанвье не решились ее остановить, чтобы расспросить о ходе операции. Все четверо внимательно вглядывались в лицо медсестры, и все четверо разочарованно вздохнули, потому что на физиономии работницы больницы читалась лишь обычная профессиональная сосредоточенность.

— Мне кажется, что, если с ним случится несчастье, я тоже умру, — сказала мадам Жанвье, которая никак не решалась присесть на стул и продолжала стоять рядом с мужчинами, опасаясь потерять хотя бы секунду в тот момент, когда дверь наконец распахнется.

Послышался шум. Кто-то открыл обе створки двери. Все присутствующие увидели больничную каталку. Мегрэ схватил за руку мадам Жанвье, не давая ей броситься вперед. В какой-то миг комиссар испугался: ему показалось, что лицо инспектора Жанвье прикрыто простыней.

Но когда носилки поравнялись с ним, он понял, что ошибся.

— Альбер!.. — закричала женщина, еле сдерживая рыдания.

— Т-с-с... — сказал хирург, снимая резиновые перчатки.

Глаза Жанвье были открыты, и, должно быть, он находился в сознании, потому что у него на губах появилась слабая улыбка.

Инспектора повезли в одну из палат, и его же на вместе с Люка и соседом двинулись следом, а комиссар в это время обратился к врачу.

— Он будет жить?

— Да ему вроде бы как не с чего умирать. Конечно, выздоровление будет долгим, как это всегда бывает, когда задето легкое, он должен будет

соблюдать все предписания врачей, но в целом его жизни не грозит никакая опасность.

— Вы извлекли пулю?

Хирург зашел в операционную и уже через минуту вернулся оттуда, зажав в руке вату, перепачканную кровью, — в нее был завернут кусочек свинца.

— Я заберу пулю с собой, — сказал Мегрэ. — Вам я верну ее позднее. Он ничего не сказал?

— Нет. Находясь под наркозом, раненый проворчал несколько слов, но он говорил очень невнятно, а я был слишком занят, чтобы прислушиваться.

— Когда я смогу задать ему интересующие меня вопросы?

— Он должен прийти в себя после перенесенного шока. Вероятно, вы сможете поговорить с ним завтра около полудня. Это его жена? Скажите ей, чтобы не волновалась. И пускай не пытается встретиться с ним раньше завтрашнего дня. Согласно полученным инструкциям, мы выделили инспектору отдельную палату и сиделку. Извините, но в семь часов утра у меня следующая операция.

Мадам Жанвье все же настояла на своем, и ей позволили взглянуть на мужа, после того как тот оказался в постели. Пока медперсонал обустраивал больного, посетители ждали в коридоре, а затем

СОДЕРЖАНИЕ

1. Как Мегрэ проводит холостяцкий вечер
и как этот вечер заканчивается
в госпитале Кошен 5
2. Мегрэ в свою очередь становится
«очаровательным» жильцом мадемуазель
Клеман и заводит новые знакомства 32
3. Комиссару не дает покоя навязчивая мысль
о кружке свежего пива, и он встречает жильца
мадемуазель Клеман в самом неожиданном
месте 64
4. Рассказ о допросе, во время которого Мегрэ
ни разу не рассердился 93
5. Мегрэ делает многочисленные записи,
чтобы убедить самого себя в том,
что он работает, а мадемуазель Клеман
не всегда проявляет милосердие 120
6. Рассказ о беззащитной женщине,
лежащей в постели, и о том,
как комиссар становится жестоким 149

7. Мегрэ вспоминает о единственном цыпленке,
зарезанном им собственноручно,
а мадемуазель Клеман сильно взволнована
встречей с убийцей 179
8. Инспектор Люка делает заметки,
чтобы потом рассказать чудесную историю .. 209
9. Юный Лапуэнт теперь не так уж гордится
своим расследованием 221